

всего, именно желание записать наиболее важные моменты встречи с царем побудило молодого Нарышкина добавить эти две странички, которые, как мы видели, описывают события, произошедшие раньше тех, с описания которых начинается эта книжка. Возможно также, что во время этой встречи с кузеном было решено, что оба Нарышкина продолжат свое обучение в Бресте.

Как уже отмечалось, дневник Нарышкина не обладает большими литературными достоинствами; его ценность заключается в описаниях повседневной жизни, сделанных под влиянием непосредственных впечатлений юным и довольно наивным юношей 15–16 лет. Структура текста наводит даже на мысль, что ведение дневника было чем-то вроде задания, которое он должен был выполнять и, может быть, показывать учителю. Его язык изобилует иностранными словами, как это часто бывает в подобных текстах (например, ремаркабл, етранжеры, форастииеры, кортил, фациада), и очень близок (особенно в области синтаксиса) к разговорным формам. В значительной степени это обусловлено тем, что половину своей недолгой жизни Иван провел за границей: он уехал из России в возрасте восьми лет и с того времени жил в обществе, в котором был вынужден пользоваться иностранными языками, и у него оставалось мало времени для совершенствования своего стиля на так называемом «книжном языке».¹⁶

К сходным выводам можно прийти, если учесть культурную подготовку юных Нарышкиных: когда братья покидали Россию, они были в сущности детьми, хотя, по свидетельству Ч Уитворта, говорили по-латыни и отличались своим «умением держаться скромно, прекрасно не по летам и не по обычаю своей родины».¹⁷ Иван в отличие от многих своих современников, которые отправлялись в Западную Европу в более зрелом возрасте для выполнения дипломатических миссий или для обучения морскому делу, еще не овладел «своей», московской, культурой в полной мере и не мог интерпретировать в ее свете свои новые впечатления. И именно этим его дневник отличается от типичных образцов «статейного списка» (Шереметев, «анонимный» автор

¹⁶ В дневнике Нарышкина морфологические черты, свойственные «книжному языку» (аорист, имперфект, родительный падеж единственного числа прилагательных женского рода, оканчивающиеся на -ия), начисто отсутствуют Ср *Живов В М Литературный язык Петровской эпохи и возникновение литературного языка нового типа // Wiener Slavistischer Almanach 1990 Bd 25/26 S 451–469* Я сознательно не касаюсь вопросов, связанных с языком,— этому я намерена посвятить отдельную статью

¹⁷ Сб РИО Т 50 С 31